

характеристик и признаков популяции, с одной стороны, и внебиологических характеристик этноса, который состоит из этих популяций, с другой. Эти же данные дают еще одно подтверждение постулату об антропологической гетерогенности большого этноса, объясняющейся влиянием на отдельные его территориальные составляющие экологического фактора через механизм стабилизирующего отбора.

Сборник включает статья Л.В. Бец “Эколого-популяционный аспект гормонального статуса человека”. Проведенный в работе анализ свидетельствует о существенной роли экологических факторов в формировании особенностей адаптивного оптимума гормональной активности человеческого организма, и с таким заключением можно согласиться. Однако Л.В. Бец не совсем корректно, на наш взгляд, трактует различия по концентрации половых гормонов между популяциями аборигенного, азиатского и европейского населения Замбии как этнические (рис. 5 и пояснения к нему на с. 253–255, табл.1). На самом деле в данном случае речь, конечно же, идет о межрасовых различиях по этим показателям.

Подводя итоги обзора сборника “На путях биологической истории человечества”, следует отметить хороший академический уровень его редакционно-издательской подготовки. Эта публикация – важный шаг, свидетельствующий о прочности методологической и методической базы отечественной антропологии.

Примечания

¹ Алексеев В.П. Историческая антропология. М., 1979.

² Алексеева Т.И., Балановская Е.В., Бахолдина В.Ю., Година Е.З., Дубова Н.А., Зубов А.А., Первозчиков И.В., Яблонский Л.Т. Проблема расы в российской физической антропологии. М., 2002.

³ Бунак В.В. Раса как историческое понятие // Наука о расах и расизм. Тр. НИИ антропологии МГУ. Вып. IV. М.; Л., 1938.

⁴ Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.

⁵ Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма. М., 1999.

⁶ Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М., 1996.

⁷ Там же.

⁸ Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья...; Он же. Некрополи древнего Хорезма.

⁹ Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.

Л.Т. Яблонский

© ЭО, 2003 г., № 6

О.А. Соловьева. Лики власти Благородной Бухары. СПб., 2002. 192 с., ил.

Монография Оксаны Анатольевны Соловьевой представляет собой публикацию ее кандидатской диссертации “Историко-этнографические аспекты традиционной должностной власти и управления в Бухарском эмирате XIX – начала XX веков”¹ и посвящена разработке на конкретном материале одной из ключевых проблем потестарно-политической этнографии (этнополитологии), или политической антропологии – проблемы традиционной политической культуры.

Это исследование продолжает заложенную еще М.С. Андреевым и А.А. Семеновым традицию изучения политической культуры оседлого населения Мавераннахра в целом и традиционной должностной власти и управления в Бухарском эмирате в частности. При этом нельзя сразу же не отметить и чрезвычайную актуальность обсуждаемой работы в современных условиях, если учесть кризисное состояние государственности в странах Средней (Центральной) Азии и необходимость разработки более адекватных подходов к оценкам и прогнозам политического, этносоциального и экономического развития этих новых независимых государств. Другими словами, фундаментальный труд О.А. Соловьевой обладает не только научно-познавательной, но и большой общественно-политической, практической значимостью.

Автору рецензируемой книги вполне удалось представить историческую и функциональную динамику традиционной системы власти и управления Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств в XIX – начале XX в., выявить основные уровни и институты власти, определить ведущие факторы и механизмы взаимодействия политических и потестарных институтов управления, проанализировать управленческую деятельность глав политических институтов и очертить границы их должностных полномочий, а также выделить главные методы управления, описать и исследовать основные категории символов и атрибутов традиционной власти.

Многие выводы О.А. Соловьевой отличаются новизной и вносят существенный вклад в разработку проблемы специфики политической культуры Мавераннахра. К наиболее важным из них, как мне представляется, относятся следующие:

1) этнический фактор не был единственным определителем специфики традиционной политической культуры в ханствах Мавераннахра; ведущее значение в регионе, где сосуществовали оседлый и кочевой образ жизни, приобрела хозяйственно-культурная ориентация населения (с. 17, 174);

2) должностная власть и авторитет выступали в ханствах Мавераннахра в качестве синонимов, поскольку действие авторитета также представляло собой навязывание воли одного человека (или нескольких) другому (или группе людей); при этом “власть”, “авторитет” и “насилие” – не противопоставляемые, а взаимосвязанные категории (с. 125–126);

3) предопределенность поведения лидеров всех рангов и предсказуемость методов и результатов их руководства, что не позволяло должностным лидерам какого-либо уровня власти перерасти в политического лидера (с. 172);

4) собственно физическим насилием у оседлого населения Мавераннахра считались те формы нанесения человеку физического ущерба, которые расценивались как незаконное необоснованное насилие (с. 116);

5) методы управления и действия властных структур или, точнее, указания властей к применению насильственных действий, как правило, не характеризовались населением как насилие, а рассматривались в качестве верных, оправданных и необходимых (с. 89, 107, 116, 172).

Несомненный интерес специалистов вызовут разделы гл. I (“Система управления Бухарским эмиратом”), посвященные функциям и роли аксакалов как посредников между населением и политической властью и как института власти на микроуровне системы управления (с. 48–52), а также должностному авторитету и насилию как основным методам управления (гл. II – “Методы управления”), причем автор впервые столь детально охарактеризовал систему физического принуждения, включая описания различных видов традиционных наказаний (с. 89–107), в том числе и зрелищный аспект публичных наказаний (с. 107–116), проиллюстрированный к тому же гравюрами и фотографиями (с. 97, 99, 101, 102). Небезынтересны также мотивировки и мотивации насильственных действий (с. 89, 116–117) и масса подробностей о подношениях (официальные и ситуативные круги отношений “дар – отдарок”) (с. 76–80), о титулах “эмир”, “хан”, “шах (ша)” и так называемых неофициальных обращениях (включая вокативные, т.е. термины прямого обращения) к правителям (с. 27–32, 44).

Однако наибольшую ценность для потестарно-политической этнографии, несомненно, представляет гл. III – “Политические символы”, в которой впервые² предлагается различать “символы власти”, “знаки власти” и “символические знаки власти”, а затем последовательно выявляются и характеризуются эти категории политического символизма на разных уровнях властной иерархии Бухарского эмирата, а также Хивинского и Кокандского ханств. Разработана и типология символических знаков власти (с. 130–134), включающая предметные, поведенческие, территориальные, вербальные, звуковые и астрологические знаки власти.

Здесь же подробно рассматриваются отдельные элементы материальной культуры, прежде всего жилище и одежда (с. 135–149), которыми отличались от управляемого населения представители власти и, в частности, выявляется семантика особого “языка” халата – одного из визуальных символических знаков власти (с. 140–148), а также дано убедительное нумерологическое объяснение символизму числа палочных ударов при наказаниях (с. 94–95).

К достижениям О.А. Соловьевой следует отнести и введение такой новой категории научного анализа, как “коэффициент авторитета” – суммы личностного и должностного коэффициентов, позволяющего, по мнению автора, охарактеризовать специфику власти глав политических институтов различных уровней управления. При этом относительный коэффициент авторитета характеризует весь уровень управления, а абсолютный его показатель присущ конкретному лидеру каждой из ступеней властной лестницы (с. 118–119, 173). Правда, следует заметить, что всякий коэффициент предполагает количественное выражение, а не только качественные (отрицательный/положительный, действительный/формальный) или относительные (больше/меньше, выше/ниже) характеристики.

Следует также отметить, что книга удачно проиллюстрирована гравюрами, рисунками и фотографиями из коллекций Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, и эти иллюстрации, особенно гравюры, погружают читателя в антураж и конкретные детали быта народов Мавераннахра, а также позволяют зримо представить многие феномены и атрибуты их традиционной власти и властителей, включая портреты последних бухарских эмиров (с. 27–30).

Таким образом, книгу О.А. Соловьевой можно охарактеризовать как весьма серьезный и полезный труд, имеющий большое научное и прикладное значение. Нет никаких сомнений, что исследование О.А. Соловьевой должностной власти и традиционного управления в Бухарском эмирате XIX – начала XX в. закладывает необходимую основу для дальнейшего изучения специфики традиционной политической культуры Мавераннахра.

¹ Соловьева О.А. Историко-этнографические аспекты традиционной должностной власти и управления в Бухарском эмирате XIX – начала XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.

² См. также: Соловьева О.А. Символы, символические знаки и знаки власти (на среднеазиатском материале) // Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. СПб., 1996. С. 38–45.

В.А. Попов

© ЭО, 2003 г. № 6

Н.Х. Нурджанов. Традиционный театр таджиков. В 2-х т. Душанбе, 2002.

Предмет исследования автора представленного труда – театральная культура таджиков в конце XIX – начале XX в. В книге на основе богатейшего фактического материала – результат почти полувековой работы Н.Х. Нурджанова – предпринимается попытка восстановить все жанры и виды, черты и содержание традиционного театра, выявить в нем древние элементы и традиции более ранних веков. Сбор материалов по теме был начат автором еще в 1948 г., исследование проводилось практически на всей территории Таджикистана, а также у таджиков в сопредельных с Таджикистаном центральноазиатских республиках (Самарканд, Бухара, Ферганская долина и др.). Таким образом, монография построена в основном на полевом материале.

Структурно книга состоит из введения и одиннадцати глав, посвященных отдельным элементам традиционной театральной культуры таджикского народа. В заключении приводится словарь наиболее употребительных терминов, связанных с традиционным театром. В первой главе рассматриваются истоки театральной культуры таджиков, приводятся примеры древнейших театральных элементов – наскальные изображения охотников в звериных шкурах, относящиеся к периоду мезолита – раннего неолита. Подражание животным как прием охоты, а также общинные обряды и танцы вряд ли можно считать полноправными элементами театра, однако, несомненно, именно из них происходило развитие сценической культуры. Зороастрийская религия, богатая культовыми церемониями и ритуалами, многие из которых имели театрализованный характер, послужила мощным толчком в развитии народного театра. Однако сравнение ритуалов с театральными действиями требует значительной оговорки – будучи относительно схожими по форме, они принципиально различаются по сути. Важно отметить, что религиозные обряды, имеющие, в первую очередь, сакральную функцию, отличны от театральных постановок, несущих, в основном, функцию развлекательную.

По мнению Н.Х. Нурджанова, древнейшие театрализованные действия народов Средней Азии берут свое начало от оргиастического культа плодородия, умирающей и воскресающей природы, сходного с донисизмом, характерным для греко-римской мифологии. В этом нет ничего удивительного, поскольку эллинистическая традиция оказала значительное влияние на культурную жизнь народов Ближнего Востока и Средней Азии. Некоторые данные о музыкальном и танцевальном искусстве в Греко-Бактрийском государстве выявляются на основе результатов археологических исследований. Исполнительское искусство, особенно музыкальное и вокальное, получило интенсивное развитие в государстве Сасанидов. Свидетельства тому находят в многочисленных памятниках той эпохи – стенных росписях, чашах, медных кувшинах, названия некоторых танцев упоминаются в старинных словарях (т. 1, с. 23).

К другим ранним формам театрального творчества Н.Х. Нурджанов причисляет некоторые суфийские обряды. Не подлежит сомнению тот факт, что танец и песня (поэзия) были органичной частью суфизма: некоторые из обрядов (например, *зикр*) имеют в своем арсенале значительное количество образительно-выразительных средств, однако замкнутость суфийских братств и отсутствие зрителей (т. 1, с. 49) все же не позволяют относить эти практики к театрально-зрелищным представлениям. Суфийский *зикр* специфичен. Цель суфия во время *зикра* – приближение к Богу посредством достижения мистического экстаза-озарения. Поэтому возникают некоторые сомнения относительно генетической связи театра, как функции показа и развлечения, с *зикром*, с его сугубо индивидуальным началом. Глубоко в древность уходят корни и такого вида культурно-массовых сценических мероприятий, как народный цирк, в программе которого были выступления акробатов, фокусников и дрессировщиков.

Подводя итоги первой главы, автор указывает, что исполнительское сценическое искусство прошло многовековой путь развития от примитивных фольклорных форм до более развитых профессиональных основ. Таджикский театр, испытав мощное влияние эллинистического театра, остался, тем не менее, самостоятельным, не восприняв основу последнего – письменную драматургию, которую сменила драматургия устная, фольклорная.

Вторая глава – “Народная зрелищная культура” – построена на материалах таких элементов зрелищной традиции, как праздники (как мусульманские, так и имеющие доисламские корни), семейные торжества (в первую очередь по поводу обрезания мальчиков), разнообразные спортивные состязания, игры,